

Тан Яньчжи перенес свои скромные пожитки в каморку, где прежде обитал Сяо Лои. В обветшалой стене зияла сквозная дыра, из которой вовсю сквозило ледяным ветром — оставалось лишь гадать, как отец и сын ухитрились спать в таком холоде.

Потрепанное лоскутное одеяло, сплошь покрытое заплатками, едва ли могло кого-то согреть.

Добра у них было негусто, так что Тан Яньчжи решил заодно перенести и их нехитрые вещи в свои прежние покои. Поднимая примостившийся в углу глиняный кувшин, он ощутил приятную тяжесть и невольно усмехнулся про себя: а малец Сяо Цзыань, оказывается, времени зря не терял и ухитрился скопить неплохую сумму серебра.

Бережно расставив все полезные вещи в своей бывшей комнате, Яньчжи задумался о собственном теле. Сейчас он находился лишь на второй стадии Концентрации Ци. И это при том, что покойные родители с самого детства пичкали прежнего владельца тела редчайшими снадобьями и ресурсами! Любой другой на его месте уже ушел бы далеко вперед, а этот недотепа едва освоил азы.

Тан Яньчжи отчетливо ощущал, как в меридианах застоялись целые пласты нерастроченной духовной энергии. Стоило пустить её в оборот и полностью усвоить, как он без труда пробился бы на третью стадию. Техника, которую практиковал прежний Тан Яньчжи, была найдена его родителями в каком-то древнем тайном царстве, однако её потолком являлось лишь Создание Основания — тупиковый путь.

Впрочем, надолго задерживаться в Школе Северной Горы они все равно не собирались, так что методику культивации следовало сменить как можно скорее. Память услужливо подсказала, что в Павилоне Книжного Собрании клана Тан хранилось бесчисленное множество высокоранговых техник. Среди них была одна, идеально подходящая обладателям пяти духовных корней, — «Формула Трех Жизней». Правда, клан владел лишь первой её половиной, позволяющей развиться максимум до стадии Зарождающейся Души. Чтобы двигаться дальше, пришлось бы искать утерянную часть.

Разумеется, он знал и другие, полные руководства для пяти духовных корней, но ни одно из них по сокрушительной силе не могло сравниться с этой формулой. Тот, кто осваивал «Формулу Трех Жизней», становился практически непобедимым среди равных по рангу и обретал способность сражаться с противниками на целую ступень сильнее себя. Тан Яньчжи должен был во что бы то ни стало защитить своего глупого спутника Дао и маленького сына, так что выбор в пользу сильнейшей техники был очевиден.

В ту же ночь он успешно перенаправил потоки энергии по новому руслу. Смена техники далась на удивление легко лишь потому, что прежний хозяин тела, осознав бесперспективность своих пяти духовных корней, давно забросил тренировки и предавался лени. Старая техника едва закрепилась в его меридианах. Окажись он чуть более прилежным учеником, Яньчжи пришлось бы сначала полностью разрушать собственное основание и начинать все с нуля.

Несмотря на бессонную ночь, Тан Яньчжи чувствовал себя невероятно бодрым и полным сил

благодаря циркуляции свежей духовной энергии. Поднявшись на рассвете, он скользнул к дверям соседней комнаты и заглянул внутрь. Отец и сын спали безмятежным, сладким сном, тесно прижавшись друг к другу.

Улыбнувшись, Яньчжи не стал их тревожить и тихо прошел на кухню. Поставив вариться котелок каши на троих и вспомнив вчерашний богатый аппетит Сяо Лои, с легкостью умявшего десяток маньтоу, он решил приготовить целую корзину сочных мясных баоцзы. Мясо он взял из запасов прежнего владельца, хранившихся в пространстве — то была туша духовного зверя, чья плоть содержала мягкую очищенную ци, крайне полезную для тела культиватора.

Изначально этот никчемный влюбленный дурак берёг деликатес для дочери главы школы, надеясь выслужиться перед ней. Вот только стоило его родителям бесследно сгинуть, как девица мигом указала Тан Яньчжи на дверь и сделала вид, что они вообще не знакомы.

Эта меркантильная особа всегда презирала его, одаривая благосклонной улыбкой лишь тогда, когда выманивала очередную ценную безделушку. Яньчжи презрительно хмыкнул и решительно выбросил глупые воспоминания из головы. На начинку ушла добрая треть куска — мясо духовного зверя второй стадии Концентрации Ци на здешнем Диком континенте стоило баснословных денег. Зато баоцзы получилась целая гора. Рассудив, что в ближайшие дни им вряд ли представится возможность спокойно постоять у плиты, Яньчжи решил пустить в дело всю оставшуюся в пространстве муку и наготовить сытной провизии впрок.

Спрятав львиную долю готовых пирожков в мешок Цянькунь, где они долго сохраняют свежесть, Тан Яньчжи оставил небольшую порцию томиться в теплом котле на плите. Сам он быстро перекусил парочкой баоцзы, внезапно вспомнил об одном важном деле и, стараясь не шуметь, выскользнул из дома.

Солнце уже вовсю заливало комнату золотистым светом, когда Сяо Цзыань резко распахнул глаза. Мальчик вскочил с постели, осознав, что безнадежно проспал.

— Вот же проклятье! Как можно было так дрыхнуть? — с досадой пробормотал Цзыань, натягивая одежду. — Всё из-за этого паршивца и его слишком мягкой постели!

Следом за сыном зашевелился и Сяо Лои. Он захлопал ресницами и жалобно, по-детски взглянул на мальчика.

— Цзыань, у меня животик урчит. Кушать хочется.

Цзыань недовольно фыркнул и легонько ткнул отца пальцем в лоб.

— Только о еде твои мысли! Тебя так подкупают глупым лакомством, в рабство продадут, а ты и не заметишь!

Лои мечтательно прижмурился, сглатывая слюну.

— Но вчерашние пышки были такими белыми, теплыми и мягкими! Тебе ведь тоже понравилось, Цзыань, я же видел. Давай сегодня снова поедим этих булочек, а? Ну пожалуйста!

При воспоминании о вчерашнем пиршестве во рту у Цзыаня тоже скопилась слюна. Он нерешительно замялся, но все же кивнул.

— Ладно. Но съедим только по одной штуке, понял? Остальное спрячем на ужин.

— Угу! — послушно закивал Лои.

Мальчик прижал палец к губам и зашептал:

— Сиди тихо и помалкивай. Я пойду проверю, проснулся ли этот деспот. Не дай бог разбудишь его — опять за плеть схватится.

Цзыань на цыпочках подошел к двери соседней комнаты и осторожно заглянул внутрь. Дверь оказалась распахнута настежь, а постель пустовала. Мучителя дома не было.

— Ням-ням... — Лои уныло плелся следом, усердно потирая голодный живот.

Цзыань быстро притащил ведро воды, заставил отца умыться, а после, ради его же безопасности, запер в кухне. Сам же мальчик побежал к заброшенным огородам на окраине, чтобы забрать припрятанную корзину со вчерашней дикой зеленью.

Вернувшись с корзиной, Цзыань не обнаружил отца у порога, где тот обычно послушно его дожидался. Встревоженный малец поспешно отпер кухонную дверь и замер. Сяо Лои сидел на корточках в самом темном углу и что-то увлеченно жевал, тихо причмокивая от удовольствия.

— Отец? Ты что там делаешь? — нахмурился Цзыань.

Лои вскинул голову и расплылся в счастливой улыбке. Он заговорщически помахал сыну рукой и зашептал:

— Цзыань, иди скорее сюда! Быстрее!

Мальчик подбежал ближе и ошеломленно уставился на то, что отец сжимал в ладонях.

— Это же баоцзы! Откуда они у тебя?!

Лои судорожно пихнул два пухлых, исходящих паром пирожка прямо в руки онемевшему сыну, а сам торопливо вгрызся в третий.

— В котле лежали! Там еще есть!

Божественный аромат свежей выпечки ударил в нос, заставив рот наполниться слюной. Едва сдерживая искушение, Цзыань бросился к плите и приподнял тяжелую деревянную крышку котла. Изнутри вырвалось облако густого пара, открывая взору целую бамбуковую пароварку, доверху набитую белоснежными пирожками.

В этой богом забытой глуши, кроме них двоих, жил только один человек — их новоиспеченный мучитель. Неужели этот негодяй сам приготовил такую роскошь? В душе мальчика затеплилось странное, робкое чувство, но его мгновенно заглушил ледяной страх. Если этот зверь вернется и обнаружит пропажу, он же их живьем закопает!

— Цзыань, кушай, они очень вкусные! — торопливо уплетая пирожок, промычал отец.

Глядя на исходящие жаром, лоснящиеся от мясного сока баоцзы в своих ладонях, Цзыань ощутил невыносимую тоску пополам с горькой решимостью. Раз уж отец уже попался на воровстве, наказания все равно не избежать. Так какая разница, сколько они съедят? Получить плетью за один пирожок или за десяток — финал один. В конце концов, их столько раз избивали до полусмерти, но они до сих пор живы.

Мальчик зло зажмурился и вонзил зубы в нежное тесто.

Отчаянная храбрость обуяла мальчишку. Отбросив страх, он принялся жадно поглощать один пирожок за другим. Тесто оказалось невероятно тонким и воздушным, а внутри скрывалась щедрая, исходящая ароматным бульоном начинка. Стоило сделать первый укус, как рот наполнился обжигающим соком. Более того, это было не простое мясо! Тонкий привкус чистейшей духовной энергии выдавал плоть высокорангового зверя — подобными деликатесами Цзыань лакомился лишь в далеком детстве, когда отец еще был в здравом уме и правил их кланом.

После полутора месяцев унылого выживания на горьких сорняках и безвкусной каше из грубого проса эти нежные, сочные баоцзы показались ребенку величайшим блаженством на свете.

С трудом одолев пять штук, Цзыань почувствовал приятную тяжесть в желудке. Лои же в одиночку умаял больше десятка и остановился лишь тогда, когда в пароварке показалось дно. Мальчик хмуро посмотрел на оставшиеся пирожки. Раз уж их все равно ждет суровое наказание, глупо оставлять добычу. Цзыань решительно выгреб остатки выпечки и надежно припрятал их в тайнике за печью. Если отчим изобьет его так сильно, что он не сможет подняться на ноги и пойти на поиски пропитания, эти припасы спасут их от голодной смерти.

— Цзыань, смотри, животик полный! — довольно мурлыкнул Лои, похлопывая себя по круглому пузу.

Сын тем временем заглянул в принесенную корзину. На дне среди горы диких трав лежал жирный полевой кролик, попавшийся в один из его силков.

— Пожалуй, этого ушастого я продавать не стану, — пробормотал мальчик, прикидывая шансы.
— Устроим себе настоящий праздник.

— Мясо! — Лои тут же опустился на корточки и принялся увлеченно тыкать пальцем в пушистую тушку, смешно облизываясь.

Тан Яньчжи бесшумной тенью скользнул мимо редких патрулей и приблизился к своему прежнему жилищу. Дверь была заперта, но для опытного практика это не составило преграды. Заглянув внутрь, он скривился от отвращения: прямо на полу в беспорядке валялось перепутанное мужское и женское белье. Из-за ширмы доносилось мерное супружеское сопение.

Яньчжи извлек из рукава крошечный нефритовый флакон. Слегка приоткрыв пробку, он сделал быстрый пасс пальцами, направляя струйку сладковатого сонного тумана прямо к лицам спящих любовников. Те лишь синхронно вздохнули и погрузились в глубокое забытие. Убедившись, что парочка не очнется в самый неподходящий момент, Яньчжи решительно подошел к массивному письменному столу. Нащупав под столешницей едва заметный деревянный выступ, он с силой повернул его влево. Раздался глухой щелчок, стол плавно отъехал в сторону, обнажая в половицах потайной лаз.

Спустившись в тайник, он без лишних раздумий сгреб все ценности в свой мешок Цянькунь. Затем, вернувшись в комнату, Яньчжи окинул ее прощальным взглядом. Заметив кучу разбросанной одежды прелюбодеев, он мстительно усмехнулся. Сложив тряпье аккуратной горкой прямо у изножья кровати, он щелчком пальцев вызвал крошечную искру духовного пламени. Сухой шелк вспыхнул мгновенно. Не теряя ни секунды, Тан Яньчжи бесшумно покинул полыхающее здание.

Отбежав на безопасное расстояние, он обернулся. Над крышей его бывшего павильона уже клубился густой черный дым. Яньчжи удовлетворенно прищурился. Еще по брошенным на пол нарядам он без труда опознал ночных гостей. Это были не кто иные, как дочь главы Школы Северной Горы — та самая стерва, что годами крутила глупым прежним владельцем тела ради выгоды, и ее тайный любовник, старший ученик той же школы Чжан Чэн.

Судя по всему, эти двое крутили шуры-муры за спиной у всех уже очень давно. Что же, Тан Яньчжи лишь оказал им услугу, устроив жаркое свидание. Пусть погорят в своей страсти — так они по крайней мере не успеют навредить кому-то еще.

Отомстив лицемерной парочке и вернув законно принадлежащие ему сокровища, Яньчжи пребывал в превосходном расположении духа. С тихой песней на устах он подошел к своему новому скромному жилищу. Во дворе Сяо Цзыань как раз усердно свеживал кролика. Стоило мальчишке заметить фигуру отчима на дорожке, как он побелел от страха, бросил нож, схватил растерянного отца за руку и пулей улетел в дом, с грохотом заперев дверь на засов.

Тан Яньчжи лишь озадаченно моргнул.

—...

Заперев дверь, Цзыань тяжело задышал и обернулся к отцу.

— Отец, сиди здесь и носа наружу не показывай, слышишь? Что бы ни случилось, не выходи! — строго скомандовал он.

Лои испуганно и послушно закивал.

Мальчик присел на край кровати, чувствуя, как от страха пересохло в горле. Он дрожащими руками налил себе воды из кувшина и залпом осушил две глубокие пиалы.

«Он вернулся. Наверняка он уже зашел на кухню и увидел пустую пароварку... Сейчас начнется».

Тан Яньчжи в этот момент действительно стоял у плиты. Приподняв крышку котла, он с улыбкой обнаружил, что бамбуковая пароварка опустела дочи́ста, хотя котелок с ароматной кашей остался нетронутым.

На душе у него одновременно потеплело и сделалось немного тревожно. Радовало то, что его маленькая семья не побрезговала угощением — это был прекрасный первый шаг к примирению и завоеванию доверия. А вот тревожило другое: ну и аппетит у его парней! Каждая булочка была размером с хороший кулак взрослого мужчины. Сам Яньчжи наелся тремя штуками до отвала. В пароварке оставалось не меньше доверху набитых двадцати сочных баоцзы, и эти двое умяли их в один присест!

«Да уж, прокормить такого мужа и растущего сына — задачка не из простых. Придется попотеть», — с улыбкой подумал он.

Впрочем, унывать он не собирался. Напевая под нос, Яньчжи принялся за готовку. Вспомнив про брошенного во дворе недосвеженного кролика, он резонно рассудил, что запуганный Цзыань в ближайшее время носа на улицу не сунет. Тан Яньчжи вышел во двор, забрал тушку и вернулся на кухню. Вместо обычного ножа он пустил в ход базовые бытовые заклинания контроля воды и ветра — под воздействием послушной магии шкурка отделилась мгновенно, а мясо разделилось на идеально ровные кусочки. Кулинария с помощью магии была чистым

удовольствием.

Цзыань просидел в душной комнате больше часа, сжимаясь от каждого шороха, но разъяренный отчим так и не ворвался к ним с побоями. Напротив, из кухонного окошка потянулся умопомрачительный аромат тушеного мяса с пряностями. В конце концов напряженное ожидание притупилось естественной нуждой. Мальчику нестерпимо захотелось в туалет, да и любопытство взяло верх — нужно было своими глазами увидеть, замышляет ли этот негодяй очередную пакость.

Тан Яньчжи тщательно промыл сочное кроличье мясо и отправил его в раскаленный котел. Бросив взгляд на подоконник, он заметил старый треснувший горшок, в котором буйно зеленел дикий лук. Прежний изнеженный молодой господин Тан никогда не снисходил до домашней работы, так что всю эту утварь и нехитрые посадки обустроил маленький Цзыань.

Яньчжи невольно покачал головой, вспомнив рослое, крепкое тело мальчика. Внешне тот выглядел как вполне оформившийся двенадцатилетний подросток, но Тан Яньчжи, благодаря памяти прежнего владельца, знал поразительную истину: Цзыаню едва исполнилось шесть лет! Обычные дети в этом возрасте едва достают взрослому до пояса, а этот крепыш рос не по дням, а по часам.

«Мое тело — чистокровный человек, тут никаких странностей быть не может, — озадаченно размышлял Яньчжи, помешивая шкворчащее мясо. — Значит, секрет кроется в происхождении Сяо Лои. Если сын унаследовал от него столь необычную кровь, то кем же на самом деле является мой глупенький спутник Дао?»

Пока Цзыань крался по двору к уборной, Тан Яньчжи подошел к спальне и негромко постучал в деревянную дверь.

— Лои? Ты здесь?

— Яньчжи! — раздался из-за двери восторженный возглас Сяо Лои.

Тот уже потянулся к задвижке, но вовремя вспомнил строгий наказ сына и в нерешительности замер на пороге.

— Лои, я могу войти? — ласково спросил Яньчжи.

Глуповатый юноша сообразил: сам он выйти не может, но никто не мешал ему впустить гостя! К тому же из щелей так маняще тянуло безумным ароматом тушеного мяса. Лои нетерпеливо заерзал.

— Цзыань запретил мне выходить на улицу! Но ты, Яньчжи, заходи скорее! Скорее заходи!

Тан Яньчжи толкнул дверь и вошел, держа в руках глубокую глиняную миску с исходящей паром, золотистой тушеной крольчатиной, обильно посыпанной зеленым луком. Лои шумно втянул носом воздух, и его глаза вспыхнули голодным блеском.

— Ой, как пахнет... — пролепетал он, не в силах отвести взор от угощения. Ему до безумия хотелось схватить кусок, но он робко переминался с ноги на ногу, боясь рассердить мужа. На его очаровательном лице отражалась такая детская борьба с искушением, что Яньчжи едва сдержал нежный смех.

— На, угощайся, — тепло улыбнулся Яньчжи, протягивая ему миску и деревянные палочки.

Лои тут же схватил еду и принялся с аппетитом уплетать нежное мясо. Тан Яньчжи любовался им. Сяо Лои обладал поистине безупречной, благородной красотой — точеное лицо, идеальные черты. Когда этот юноша молчал, никому и в голову не пришло бы, что его разум поврежден. Лишь наивные детские повадки выдавали недуг.

«Когда его меридианы и душа восстановятся, он станет самым великолепным спутником жизни, — твердо решил про себя Яньчжи. — Я сделаю все, чтобы исцелить его».

Вспомнив, что на плите еще булькает питательный бульон, Яньчжи ласково потрепал Лои по плечу и направился к выходу. Сын должен был вот-вот вернуться из уборной, и Тан Яньчжи считал за лучшее не провоцировать лишних вспышек страха у ребенка. Бесшумно скользнув обратно на кухню, он разминутся с Цзыанем. Мальчик поспешно возвращался в комнату, но еще на пороге его чуткий нос уловил невероятный, сытный аромат свежеприготовленного мяса.

Стоило Цзыаню открыть дверь, как Лои радостно замахал ему палочками.

— Цзыань, иди скорее, это тебе! — Его глаза сияли от восторга.

Он с упоением разгрызал сочные кусочки. Раздался громкий хруст — Лои даже не утруждал себя тем, чтобы выплевывать кости. Острые крепкие зубы с легкостью перемалывали их в муку, и он проглатывал все целиком.

— Ты опять нарушил уговор и выходил на кухню?! — не на шутку рассердился мальчик.

Лои захлопал ресницами и обиженно надул губы.

— Не выходил я. Это Яньчжи сам пришел и принес мне миску.

— Чтобы это было в последний раз! Больше не смей впускать его! — сурово отрезал Цзыань, стараясь говорить как взрослый глава семьи.

— Цзыань... — Лои умильно уставился на оставшуюся в миске порцию, облизываясь. — Если ты не хочешь, можно я ее съем?

— Еще чего! — буркнул малец, поспешно прижимая миску к себе. — Это кролик, которого я лично поймал! С какой стати мне отказываться от собственной добычи?

В конце концов, Цзыань решил не забивать себе голову лишними расспросами. Почему этот жестокий отчим вдруг сменил гнев на милость, не стал избивать их за съеденные баоцзы, да еще и приготовил их собственного кролика, честно поделившись добычей? Какая разница. В их положении выбирать не приходилось — бороться со взрослым практиком они все равно не могли.

Детский организм требовал колоссального количества сил для стремительного роста. Несмотря на утренний плотный завтрак, Цзыань уже через пару часов снова проголодался. Раньше ему приходилось терпеть эту ноющую пустоту в желудке сутками. Аппетит отца был поистине бездонным, и как бы отчаянно малец ни старался заработать медь, охотясь на мелкую дичь, они оба вечно недоедали.

Расправившись с тушеным мясом, отец и сын блаженно развалились на колченогих стульях, лениво поглаживая тугие животы. В голове у Цзыаня промелькнула крамольная мысль: «Этот мерзавец, конечно, невыносим... но готовит он просто божественно!» Похоже, у отчима после вчерашнего падения действительно повредился рассудок, раз он у плиты хлопочет.

В детском сердце робким огоньком затеплилась эгоистичная надежда: хоть бы этот изверг подольше оставался безумным. Пусть его голова никогда не исцеляется! Тогда они смогут каждый день набивать животы досыта. Они ведь так давно не ели досыта... Прежде приходилось давиться безвкусными горькими кореньями, а любую мало-мальски приличную добычу нести перекупщикам на рынок, чтобы выручить хоть горсть монет.

Полностью скрыв свое духовное присутствие, Тан Яньчжи бесшумно приблизился к окну и заглянул в комнату. Вид двух сытых, разомлевших родных существ вызвал у него непреодолимое желание войти, прижать их к себе и ласково взъерошить волосы сынишке. Однако разум вовремя взял верх: форсировать события нельзя, его по-прежнему боятся. С легким вздохом Яньчжи опустил руку.

«Ничего, наберитесь терпения. Придет день, и вы сами ко мне потянетесь», — подбодрил он себя.

Тем временем на другом конце поселения крики и набат возвестили о том, что пожар в его прежнем павильоне наконец заметили. Поднялась паника. Воспользовавшись царящей суматохой, Тан Яньчжи задействовал скрытую маску изменения облика. За долю секунды благородные черты его лица стерлись, сменяясь невзрачной физиономией простого монастырского слуги.

Пришло время навестить запечатанную пещеру родителей. Раз уж им все равно придется

бежать из Школы Северной Горы, перед уходом следовало сорвать по-настоящему крупный куш!

<http://bllate.org/book/19637/1950609>